

ПЛАТТЕОН

Иван КОРСАК

Майна
свѣтлого
Арсенія

Иван Корсак

Тайна Святого Арсения

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Корсак И.

Тайна Святого Арсения / И. Корсак — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

«Тайна святого Арсения» - це книга про Ростовського митрополита, який зміг повстати проти сильних світу цього, захищаючи Церкву. Навіть темні сили не змогли зламати цю відважну людину.

Иван Корсак Тайна святого Арсения \роман

Последний любовник императрицы \русск. вариант

1

Под звонким старинным сводом каждое слово, даже сказанное потихоньку, осмотрительно и вкрадчиво, звучало особенно выразительно. Те слова из уст суровых судей с задеревенелыми лицами, скованными судорожным страхом от присутствия императрицы, почтенных сановников, Орлова, Глебова и Шешковского, те слова с удивительной легкостью поднимались в высь, зато падали оттуда на плечи митрополита тяжелыми камнями.

Судили митрополита Ростовского Арсения Мациевича.

Желтоватый свет многочисленных свеч делал старшими и более сухими лица высоких иерархов Тимофея Московского, Амвросия Крутицкого, Димитрия Новгородского, Афанасия Тверского, Гавриила Санкт-Петербургского, сидевшими в ряд, и даже лицо самого молодого, тридцатилетнего епископа Гедеона Псковского, привычно резвого и непоседливого за церковными стенами, казалось сейчас вырезанным из старой пересушенной липы.

С ближайшим окружением императрица Екатерина Вторая сидела молча поодаль, и только пламя свеч отблескивало то на одном драгоценном камне ее наряда, то на другом, словно перебегало от легкого движения головы из брильянта на брильянт.

Митрополиту не подали стул, он стоял перед судом в полном облачении, которое полагалось его сану, стоял и мысленно молился, чтобы даровало небо терпение и смиренности, чтобы, привычно порывистому и пылкому, ему не изменила рассудительность.

В свои лета, которые тихо шелестели за спиной, Арсений Мациевич не мог обижаться на светских судей, потому что не судьи они ему – слишком много ведал о них. О недавнем подьячем, а в настоящее время обер-прокуроре Глебове, не только Петербургом и Москвой ходили легенды об умении давать и брать взятки, но и гуляли за лесами и перелесками самыми отдаленными губерниями. София Фредерика Августа Ангелъ-Цербтская, перекрестка из выгоды, что из лютеранки стала православной Екатериной II... Фактический руководитель Тайной экспедиции Шешковский, что, потешаясь и приветливо улыбаясь, лично выбивал палкой зубы самым почтенным дворянам... Треск, как будто сухую ветвь ломали через колено, белая эмаль на полу, окровавленный рот...

Нет, не судьи ему они. А епископы?

Не обижался на них митрополит. Одних он учил как член Синода, наставлял, выводил в высокий духовный сан, с другими хлеб делил из одного стола. Не было обиды за измену – "и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.". В душе Арсений не корил их также за страх, потому что слишком хорошо был осведомлен с обычаями трона. Единственная тревога, единственная боль допекала ему, словно кто иглой кольнул в сердце и не вынул ее, а только крутил там ею и бередил раз за разом свежую ту рану.

Если сейчас у монастырей и церквей заберут землю и поместья (а уже рыщут по церквям офицеры, описывая, словно арестантское, все церковное добро, вплоть до подсвечника, до алтарей), то не будет принадлежать больше Церковь Христу, а Глебову и Шешковскому.

Поднялся митрополит Димитрий Новгородский, поднялся медленно, без видимой охоты, и так же неохотно стал говорить, но как встретился взглядом с Глебовым, то мгновенно стал строже и голос его окреп.

– Не ты ли, владыка, писал, что Церковь Божья в настоящее время в беде и разрушении... Что ей нет спасения от хищных волков, которые губят и уничтожают имущество церковное, как будто безбожный и преступный царь Юлиан. И если ты, то справедливый ли ответ Коллегии Экономии Сенату? Такой стиль, такие вещи ужасные, резкие писались в ответе, почему-то говорится о Юлиане Отступнике, тогда как Коллегия Экономии существует лишь с 1701 года и сурово выполняет все указы Ее Императорского Величества. Какой же твой выбор, владыка, неужели на стороне недругов трона?

Митрополит Арсений медленно и трудно вдохнул на полную грудь, как будто собрался поднять непосильную ношу: он простудился в дороге, везли в Москву арестованного с большой спешкой, почти всюду вскачь, лишь время от времени меняя обессиленных и взмыленных коней.

В ту Вербницу тысяча семьсот шестьдесят третьего года снега еще не сошли, лишь на взгорьях, кое-где в незатененной стороне, появлялись и чернели причудливые полосы нарастающей пашни – такой волнующий и такой коварный весенний воздух, такое чистое и звонкое, даже колышется, немыслимой голубизны небо, в котором неслышно плывут истосковавшиеся по родному краю грустные птичьи ключи; такой же голубизны несут реки последний лед, и себе звенящий, набравшись лазури небесной. Время пробуждения всего сущего, – умиленно наблюдал по сторонам Арсений с удивительным для себя покоем, – время светлых надежд, ожидания всегда волнующей Пасхальной ночи, пусть даже очень хмурой, но в которую неизменно сквозь мрак и темень пробьются звёзды... Но впереди еще Страстной четверг, еще нужно дожить.

Митрополит прокашлялся, собираясь ответить Димитрию. "Хороший он человек, – подумалось ему, – в сердитом вопросе и подсказку несложную спрятал: признай письмо своё ошибочным, согласишься с правотой Коллегии Экономии – и тебе будет легче..."

– Всевышний, Димитрий, человека создал свободным. Но предоставил право самому человеку свою стезю выбирать, – и митрополит, не мигая, посмотрел в глаза епископу.

В воцарившейся тишине лишь свечи потрескивали, как будто о чем-то между собой переговаривались, и Димитрий опустил глаза наземь.

"Ишь, как закрутил хитрюга-митрополит, – над ухом Глебова нагнулся Шешковский, но прошептал так, чтобы слышно было и императрице. – Ко мне бы его, по-другому он бы заговорил". Но императрица то ли не услышала, только у нее уголок уст дернулся произвольно.

– Разрешено ли тебе, владыка, самовольно менять текст анафемы, веками звучавший одинаково? – опомнился наконец митрополит Новгородский.

– Димитрий, ради Господа нашего Христа, не ступай на эту стезю... Умоляю тебя, Димитрий, – быстрее простонал, чем вымолвил митрополит.

Димитрию перед этим сон весьма странный приснился. Явился ему иерарх, чем-то похожий на митрополита Арсения, и латынью вынес приговор: "Как наши отцы, среди которых есть святые, жертвуя для церкви добро земное, проклинали воров этого добра, так и я, грешный и недостойный служитель Церкви Христовой, и не моими устами, а устами моих отцов, произношу тебе анафему и внезапную смерть..."

3

Митрополиту Арсению болело другое. С того памятного дня во дворике Киевской академии (вон сколько лет прошумело, сколько воды убежало в Днепре и родной для него реке Луге, на берегах которой он вырос в княжьем городе Владимире-Волынском), с того памятного дня суждено ему нести непростое бремя. Он сидел тогда, юный спудей, полуребенок, еще и усы не проклевывались, сидел на бесхитростно смастеренной деревянной скамье в уютном дворике академии. Наверное, он задремал на ласковом солнце (до утра штудировал Лукреция, так что даже круги разноцветные поплыли вместо букв перед глазами), как вдруг перед ним на дорожке появился незнакомый ему мужчина. Высокий, стройный, длинные волосы спадали на плечи – наверное, заслонил он собой солнце, потому что силуэт его как будто сиянием лёгеньким отсвечивал.

– Арсений, – молвил тот незнакомец. – Тебе уготован дар, который не многим выпадает. Ты будешь знать будущее, заглянуть сможешь через годы.

Парень недоуменно потер ладонью глаза, он понял, что задремал на солнце-пёке.

– И свое даже знать буду? – переспросил для видимости.

– Нет, свое не дано никому. Но когда будешь знать судьбу других, то и будешь знать, чего тебе самому не нужно делать.

– А могу ли другим говорить об их будущности?

– Можешь.

– Разве они будут слушать предостережения?

– Господь Бог дал человеку свободу выбора.

Вдруг заколебался мальчишка.

– А как ведать буду, что это не сон?

– Фома Неверующий тоже до поры сомневался, – улыбнулся лишь незнакомец. – Чтобы знал, что не сон, возьми ...

Арсений проснулся, солнце поднялось и прижигало, на дорожке перед ним, конечно, никого уже не было. На память пришёл сон, парень бросил взгляд себе на ладонь.

На ладони лежал деревянный крестик на грубой ниточке, простой и нехитро изготовленный из темного дерева крестик.

... Когда Дмитрий вспомнил об анафеме, Арсений за весь суд ужаснулся впервые. Он видел, как страх за жизнь митрополита Новгородского, за свой сан, толкнул его на тропинку беды. О себе Арсений не думал, он действительно изменил старинный текст таким образом, что толковать можно и как анафему императрице и другим обидчикам храмов, чья жадность к монастырским поместьям могла окончательно лишить независимости Церковь. Арсений ужаснулся духовной Дмитриевой измене...

Но Дмитрий уже не в силах был остановиться.

4

– Митрополит, шестого дня марта ты обратился в Синод с письмом... Все, что там написано, является обидой Величества Императорского.

– Горе нам, бедным архиереям, горе не от поган, а от своих, считающих себя овцами правоверными.

– Если бы черное и белое духовенство генерально было переведено на денежное жалование от казны, то и архиереям легче стало бы...

– Когда из чужой ладони питается архиерей, пусть и из ладони казны, то есть государственного мужа – то уже не архиерей... Сохрани же Господь государству быть без архиереев, – Арсений передохнул и минутку помолчал. – Иначе от древней нашей апостольской Церкви случится большая отступность. Иначе верх возьмет вера какая-то иная, а то и появится атеистическое государство...

...Суд шел уже не первый день. Императрица Екатерина Вторая слушала это все показно, без видимой охоты, безразлично поглядывая, как отблескивает пламя свеч на орденах Глебова и Шешковского, или рассматривая в выси, в полумраке суровые лики, нарисованные древними художниками, лики, которые от ослабевшего света становились еще суровее. В действительности, ей стоило немалых усилий держать себя в руках, потому что в душе пылал как бы жар, и каждое слово задиристого митрополита внезапным ветром порождало новые вспышки пламени. "Какой неискренний этот митрополит, – думалось императрице. – Здесь говорит одно, с паствой другое..."

Три дня перед тем ей положили на стол дежурное донесение о разговорах митрополита в Ростове. "Высочество наше неприродная и в Законе нетвердая, и не подлежало бы ей престола принимать, – говорил где-то Арсений Мацевич в близком кругу, – а следовало бы Ивану Антоновичу. Все не постоянное, и не берегут настоящих наследников".

5

К судебному процессу по делу митрополита императрица Екатерина II готовилась предварительно: осмотрительно и вкрадчиво выспрашивала мнения сановников, лично перелистала, брезгливо сплевывая на пальцы, не одну сотню замусоленных страниц из донесений сыщиков Тайной экспедиции. Ей не было кого бояться, потому что одни в могиле, а другие за неподвижными казематными стенами, оставалось последнее прибежище для возможной оппозиции трону – Церковь. Уже давно за высшим духовенством длилась достаточно плотная слежка, и она таки давала пользу. Еще в памяти, как архиепископ Варлаам получил ссылку за то, что в частном письме вместо слов "Ее Императорское Величество" написал просто "Ее Величество".

Для императрицы дело Арсения Мацевича не было лишь его делом, угроза виделась ей куда более широкой и более опасной. В действительности, по ее мнению, ростовский митрополит выступал от всего высшего епископата, доходили даже слухи, что при последующих поборах и конфискации имущества церковей дело может дойти до запрещения вообще отправлять Службу Божью во всем государстве.

Императрица пригласила как-то Степана Ивановича Шешковского и напрямик, без хитростей и выкрутасов, глядя не мигая ему в глаза, спросила:

– Вы знаете в Тайной экспедиции даже больше, чем генерал-прокурор Глебов... Как бы вы посоветовали сделать с тем духовенством, которое не стало надежной опорой трона?

– А они все одним миром мазаны, – выдержал взгляд Шешковский, и добродушная улыбка разъехалась на его продолговатом лице. – А вы кого-то одного выдерните и показательную науку задайте...

– Вы советуете мне устроить бунт иерархов? – одна бровь императрицы медленно поползла вверх, другая же осталась на месте, как будто примёрзла.

– Нет, Ваше императорское величество, – покрутил головой Шешковский, как будто удобнее приспособливал ее на коротком теле, а тогда опустил глаза на рукоять

своей знаменитой палицы. – Нет, выдернуть можно одного, а остальные высокие душпастыри должны сами осудить его.

– А как не осудят? – бровь императрицы так же медленно опустилась, только уста сжались.

– Осудят, ещё как. – Степан Иванович продолжал пристально рассматривать причудливо вырезанную и украшенную рукоять своей сподручной палицы, словно именно она была как раз главной темой их беседы. – Доказательств, которые будут побуждать, достаточно.

Шешковский хорошо знал, о чем говорил императрице. Легче всего, по его мнению, было с митрополитом Дмитрием – ему лично, а не храмам, Екатерина II даровала тысячу душ крепостных сразу после своего восхождения на престол. Степан Иванович вдумчиво и не спеша перечитывал частные письма и Амвросия, и Тимофея, которые сами вслух боялись противоречить властным намерениям, но к этому словно подталкивали митрополита Ростовского, именуя его в письмах "великодушным", "бодрым", "искренним и крайним благодетелем" – списки из тех писем надежно хранятся в Тайной экспедиции, в Петропавловской крепости. Шешковский знал также, что напрасным будет заступничество и светского сановитого люда. Бестужев-Рюмин попробовал было написать императрице сдержанное, деликатное письмо, но получил – и слава Богу! – от ее императорского величества полный отпор: "Я чаю ни при каком государе столько заступления не было за оскорбителя Величества, как ныне за арестованного всем Синодом Митр. Ростовского. И не знаю, какую я бы причину подала сомневаться о моем милосердии и человеколюбии. Прежде сего и без всякой церемонии и формы, не по столь еще важным делам, преосвященным головы ссекали".

3

... Суд между тем, хотя и медленно, изо дня в день продвигался вперед, досадные слова обвинений отлетали от старинных стен, поднимались к своду и тяжелыми камнями падали на старческую голову Арсения.

– Это ты, митрополит, осмелился послать неучтивое письмо в Санкт-Петербург, которое вручено Высочеству на собрании генералитета иеромонахом Лукой и прочитано с остановкой секретарём... Это письмо большой гнев государев повлек, а оный схимник со страха ум потерял, был послан в Невский монастырь, где шесть недель держали под караулом и до сих пор в келье замкнут он под надзором. Это ты, митрополит, виновник...

– Почему восстал ты, митрополит, против воли императрицы, которая зовет нас придерживаться правил ума, избавиться от мирской хозяйственной суеты и на государственном жаловании служить лишь Богу? Зачем тебе табун из шестисот коней и десятки тысяч десятин земли, если без хлопот нас казна прокормит?

– Не ты ли, митрополит, нападал на архиереев за послушание императорскому трону, не за то ли обзывал их: "как псы немые, не лая, смотрят?"

После дежурного заседания суда, уже на паперти, Шешковский, по привычке лукаво прищуря глаз, закинул Глебову:

– И что же в мыслях генерал-прокурора?

– Тайная экспедиция наша, Степан Иванович, за ним высмотрела уже все глаза, – Глебов ступал каменными ступенями медленно и осмотрительно, словно не был уверен в их прочности. – Еще только увидит дыбу, глянет, как заплочных дел мастера пробуют кнуты и веревки на прочность, разжигают жаровню и бряцают

инструментами для пыток... Мгновенно сознается во всем, вспомнит даже, что он двоюродный брат Папы Римского и кум турецкого султана.

– Думаю, он таки должен стать моим, – улыбнулся, как всегда приязненно и весело, Шешковский.

...Суд подходил к концу, и уже был назначен день снятия сана из митрополита. Хотя об этом нигде не сообщалось, в Кремль, к Синодному двору, люд повалил безудержным потоком, таким плотным и непослушным, что и двойной отряд солдат не смог стать преградой.

– Ведут, ведут! – зашумела до сих пор молчаливая толпа, увидев Арсения в плотном окружении мундиров.

Он шел в полном митрополичьем облачении, медленно ступал камнями, которые и через подошвы казались горячими, а дорогу ему пробивали прикладами мрачные солдаты.

В архиерейской мантии с поручами, в омофоре и белом клобуке, с панагиями на груди и с архиерейской палицей в руке он шел не обреченным невольником, а с достоинством митрополита, готовым на испытание. Затянутое тучами небо на мгновение расступилось, и от солнца внезапно сверкнуло митрополичье облачение, пуская желтые отблески на лица молчаливого и напуганного люда; кто-то бросил ему под ноги несколько ивовых веточек, которые уже распускались, несколько ивовых котиков – митрополит даже на минуту было приостановился, чтобы взглядом встретиться со смельчаком, но его толкнули в спину, а солдат справа прикладом мгновенно ударил крайнего из толпы, не доискиваясь виновников, ударил просто так, для порядка и страха.

На суде к Арсению первым шагнул Димитрий и протянул к клобуку руки, что мелко дрожали.

– Какая печаль, Димитрий, – отстранился Арсений и с молитвой мысленно сам стал снимать клобук. – Твой прислужнический и лукавый язык ведет тебя напрямиком к беде – тот лукавый язык тебя самого задушит, и от него умрешь.

Архиепископ Амвросий подошёл, опустив глаза вниз, чтобы омофор снять.

– Куда ты направился, Амвросий? – переспросил с горечью митрополит, сам снимая омофор. – Ты же ел со мной из одного стола, хлеб из одного ножа, вот также и будешь ножом, как вол, заколот.

Гавриил Петербургский должен был забрать палицу, но Арсений сам взял её от посошника Златоустова и передал Гавриилу.

– Забыл ты, наверное, каким должен быть архиерей Божий. – Митрополит смотрел выше его головы, словно где-то там в пространстве, была выписана судьба архиепископская, и лишь нужно внимательно, не спеша вычитать ее. – За твою Иродиаду твой соперник задушит тебя, потому что танцуя с ней, ты криводушно осудил меня.

Гедееону надлежало снять мантию.

– Жаль лет твоих молодых, – только и вздохнул Арсений. – Не увидишь ты больше престола своего.

Мисаилу судилось последнее – снимать из митрополита его рясу.

– Быстро испек ты горький хлеб свой, приготовленный для меня, – устало, вполголоса проговорил Арсений. – Но разве ты не видишь, что сам, словно хлеб, спечешься в печи?

Кладбищенская тишина воцарилась вмиг, и долго ее нарушить ни у кого не было сил, пока тихий всхлип не послышался – все, не сговариваясь, повернули

головы в ту сторону. Это всхлипнул Тимофей Московский, выдержка всё-таки подвела его, и по старческому, густо потресканному от морщин, как на высохшей от жестокой жары южной земле, неспособной уже даже вбирать влагу, по его морщинистому и посеревшему лицу бежали слезы.

– Да он же не в себе! – наклонился Орлов к Глебову и Шешковскому, тот шепот тревожно шелестел, как листья в позднем осеннем, предзимнем лесу. – Его срочно в сумасшедший дом, в крайнем случае, закрыть, как того иеромонаха Луку, и не выпускать из-под караула.

Арсений не мог слышать этого перешептывания, слишком далеко сидела сановитая свита, но он услышал каким-то другим голосом, и тот самый, порывистый и вспыльчивый митрополит, резко повернулся к Орлову.

– А тебе, граф, еще выпадет судьбой короновать того, чья кровь на твоих руках. И не я безумен, а брат твой за содеянное зло жизнь свою завершит в сумасшедшем доме.

– Что он себе позволяет! – побледнела императрица Екатерина, не сдержалась впервые, побледнела, скорее, побелела от гнева, она сжала так кулаки, что ногти впились в ладони. – Ещё и говорится это возле храма!

Арсений повернулся теперь к ней и долгим, укоризненным и грустным взглядом посмотрел на ту, которая одним движением мизинца решала судьбы тысяч и тысяч людей, в чьей власти появилась возможность неохотно, играя, перекраивать страны и будущее народов, перед которой дрожали больше, чем самый ожесточенный грешник дрожал, каясь, перед иконой.

– А ваше величество еще увидится с убиенным мужем... Но не будет иметь христианской кончины, – только и покивал головой митрополит. – И смертный час свой без исповеди встретит в нужнике... Мужа твоего задушили любовники, они и сына задушат. Храм же сами вы испоганили, и он упадет...

Во второй раз наступила кладбищенская тишина, ни один не мог от ужаса даже пошевелиться, казалось, на этом суде не люди присутствуют, а просто восковые фигуры, лишь тени от многочисленных свеч мерцали на задеревенелых, будто бы пожизненно неподвижных лицах.

Первой опомнилась бледная, словно от лунного сияния, императрица; заслонив руками уши, вскрикнула хриплым, неузнаваемым для самой себя голосом:

–Закляпнуть ему рот!

Призрак виселицы мелькнул, как взблеск зловещего огонька, мелькнул и замерцал в зрачках каждого.

4

Графу Орлову стоило немыслимых усилий сдержать себя, когда митрополит пророчил коронование убитого императора. Граф так сжал зубы, что скрипнули они, словно полозья саней о перемерзший снег: в первый раз при людях ему напомнили о смерти императора Петра III да еще и возвели вину лично на него. Как смеет этот никудышный митрополит, а в действительности уже самый обычный монах-рассстрига, из которого от старости порох сыплется, как смеет ему такое говорить, ему, чье имя да и имя его брата на неизмеримых пространствах империи весит чуть ли не столько, сколько имя самой императрицы? И что этот монах может понимать в настоящих, величественных интересах России... Такому государству не нужен был император-дурачок, пьянчуга с десяти лет, только и умевший в солдатики играть. Орлов твердо верил, что императрица Екатерина II способна еще развить мощь русской земли, пределы ее расширить за счёт обессилевших бестолковых окраин, кото-

рые не способны сами себе помочь. Он был также убежден, что тайна той трапезы навечно уйдет в небытие вместе с этим поколением, а если и выплывет случайно, то умные оценят его изобретательность, его сподвижничество ради русской будущности.

Все готовилось быстро, но продуманно. Первая записка, как документ в случае чего, и, конечно, чтобы не бросить тень на будущую императрицу, была короткой: "Матушка милостивая Государыня, здравствовать Вам мы все желаем... Урод наш очень занемог... Как бы сего дня или ночью не умер".

В дом, где удерживали арестованного императора Петра III, Алексей Орлов да еще группа именитых гостей, приехал с просветленным и улыбающимся лицом.

– Мы привезли очень хорошую новость, – с порога сознались гости заключенному. – Вас вскоре освободят.

По поводу ожидаемой свободы пригласили Петра III на трапезу. Все шутили, смеялись, между тем камердинера Брессана вытолкали за дверь, а Орлов незаметно для императора в бокал подлил заготовленный предварительно доверенным врачом яд.

После первого бокала налили во второй раз, но немилосердная внезапная боль подтолкнула Петра III к догадке.

– Мало того, что мне мешали вступить на шведский трон и украли у меня русскую корону, – произнёс император, едва сдерживая судороги. – У меня еще хотят забрать в придачу жизнь.

Играть в прятки дальше уже не понадобилось: на императора набросились вместе и стали душить подушкой. Тот отбивался отчаянно, но силу неумолимо отбирал яд. Сообразительный Баратынский из салфеток сделал петлю и накинул на шею императора. Петр Федорович силился вырваться, но уже напрасно, его крепко схватили за руки и ноги, а сержант гвардии Энгельгардт затянул петлю на шее.

Тело императора дернулось несколько раз, сопротивляясь смерти, и мгновенно обмякло, и затихло навек.

– Коней! – крикнул Орлов, налил себе еще полный бокал и на сером и грязноватом листке бумаги, который подвернулся под руку, стал быстро писать: "Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось. Не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка, готовь итить на смерть. Но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на Государя – но, Государыня, свершилась беда, мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором, не сумели мы разнять, а его уже не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты – достойны казни, помилуй меня хоть для брата; повинную тебе принес и разыскивать нечего – прости или прикажи скорее окончить, свет не мил, прогневали тебя и погубили души навек!".

В тот же день государыня Екатерина, как писал современник событий, секретарь французского посланника Рюльер, садилась за стол со своими приближенными "в отменной веселости". Среди оживлённой беседы вдруг вбегает Орлов: растрепанный, вспотевший и запыленный, в разорванной почему-то одежде. Государыня, увидев его, молча встала и пошла в кабинет, куда и направился Орлов. Через несколько минут был призван также граф Панин.

– Государь умер. Как известить об этом народ? – без предисловий спросила Екатерина.

– Нужно переждать ночь, – после размышления ответил граф, не очень удивлённый, судя по его невозмутимому лицу. – Только утром.

Все вернулись на места, и обед длился так же оживлённо и весело.

А утром столицу всколыхнула грустная новость – его Величество император Петр III умер, как сообщалось, от "геморроидальной колики".

Графа Орлова брала желтая и раздражительная злоба на Арсения Мациевича не только за то, что вслух выдал тайну недавнего изменения хозяев престола, а злоба, желтая и жгучая, даже сыпь какая-то на теле появилась, переполняла больше всего на человеческую неблагодарность. Он с братом головы свои мог положить, если бы по-другому жизнь вывернулась – у императора Петра свои сторонники не дремали. Петр таки успел ликвидировать такую нужную для трона Тайную Канцелярию (слава Богу, императрица восстановила, только имя предоставив новое – Тайная экспедиция), позволил за границу выезжать свободно, суд гласный обещался (но дудки, не успел) завести... Всякое случиться могло, и тогда бы голова его и брата, отскочив от топора палача, катилась бы, подпрыгивая и брызгая еще не загустевшей кровью, под крики и восхищённое улюлюканье к ногам жаждущих зрелищ зевак.

...В коротком перерыве суда Орлов холодным, как водокрещенский лед, голосом только и сказал императрице:

– Он сам себя лишил права жизни.

– Там он Димитрию говорил о языке, – Глебов крутнул головой, ослабляя воротничок, потому что стал тот почему-то тесноватым. – Но если его собственный язык способен будет хотя бы шевелиться, то еще и не такое наговорит...

Императрица молчала – жизнь научила ее быть весьма осмотрительной. Она, наконец, хотела опомниться, приобрести хотя бы какое-то душевное равновесие, потому что сердце еще бухало в груди от перенапряжения, и в висках шумело, будто затяжной за окном тоскливый дождь...

5

Императрица Екатерина не обиделась на митрополита за "любовников", разве что где-то в душе сама себе горделиво улыбнулась – такое наслаждение и блаженство старому Мациевичу уже даже и не приснится... Она даже на маковое зернышко не могла винить себя, что ее отношения с мужем так изменило неумолимое время. Вспыхнувшая любовь в ранней юности согревала обоих, от пламени той любви весь мир казался розовым, и такой же розовой виделась даль лет – когда заболела, то Петр не плакал, а быстрее рыдал, не кроясь ни от кого и по-детски размазывая ладонью на лице слезы. Со временем любовь заменила обычная дружба, которая переросла незримо в безразличие, впоследствии в настороженность, еще впоследствии потянуло к чужим мужчинам, как после долгого употребления пресного и постного, захотелось ей до невозможности ароматного, нежного, просто тающего во рту, жаркого.

От Григория Орлова забеременела врасплох, почему-то не подозревая, что понесла, а когда поняла, то уже было поздно. Беременность легко и непринужденно скрывалась под пышными платьями и причудливыми кружевами и выкрутасами придворных нарядов. А когда взяли первые схватки, то хуже боли терзало разоблачение.

Ей повезло, первые крики услышал лишь верный слуга Василий Шкурин, для которого беременность не составляла тайну; по глазам Екатерины он все понял, потому что не только отзвук потуг, которые корчили тело, усмотрел, – в первую очередь, засветился в глазах и все сильнее становился испуг, мгновенно перерастающий в страх загнанного животного, непосильный такой, неподъемный до немоги страх.

– Не пугайтесь... Все будет хорошо, я все сделаю, – неожиданная выдумка пришла в голову Шкурина, и он метнулся к двери. – Я все сделаю, – закинул уже из порога, – может, меня и не забудете...

Екатерина и ведать не могла, куда так прытко погнал слуга, ей уже было все безразлично – боль схваток чередовалась с не менее жгучей в изможденной душе болью ужасной и недалекой такой уже будущности. Неумолимо надвигалась катастрофа всей ее жизни: муж, с его характером, быстрее всего пострижет ее в монахини, ребенка бросят в тюрьму, как уже бросили Ивана Антоновича, Гришка ее, милый и любимый Орлов, наверное, будет казнен. И опять вздрагивает тело в схватках, крутит немилосердной судорогой, и еле, из последней силы удается в себе задушить крик роженицы.

И вдруг в окнах сверкнуло, отсвет красный замигал оконными стеклами, и Екатерина выглянула на непонятное сияние.

Горел дом камер-лакея Шкурина, который не так уж и далеко был от дворца. Огонь выхватывался из окон, поднимался стремительно вверх, словно пробуя раз и во второй раз лизнуть крышу, и вот полностью все здание полыхало, потрескивало и сыпало сердитыми искрами в небо...

В соседних покоях поднялся тревожный гул, все выбегали, одни спешили для спасения, другие просто из любопытства, и никому не было дела до неё – муж тоже поспешил на пожар, потому что из-за такого огня пол-Петербурга могло испепелиться.

А вскоре на пороге опять появился Василий Шкурин.

"Вон куда погнал он, – радостная догадка, которая снимала камень с души, промелькнула молнией у роженицы. – Камер-лакей поджег свой дом".

– Все хорошо, – на чумазом от сажи лице светились в улыбке зубы. – Теперь я бездомен...

Родильница, к счастью, освободилась быстро, младенца, хлюпая едва теплой водой, обмыли и завернули в бобровую шубу.

– Как назовете ребенка? – спросил все еще неумытый и сияющий Шкурин.

– Быть ему графу Бобринскому, – облегчившаяся и сердцем, и телом, удосужилась на шутку. – А имя еще придумаем.

Пока муж вернулся во дворец, младенца уже везли в надежный тайник.

Совсем по-другому сложилось из Понятовским. Граф Понятовский, который приглянулся ей на одном из балов, танцевал элегантно и умело, волна музыки плавно возносила ее с графом и опускала плавно – Понятовский, к тому же, был всегда остроумным, несколько смешным и неизменно веселым.

Вечером Екатерина, тихонько крадучись, переоделась в мужской наряд и осторожно, на цыпочках, юркнула к черному входу дворца. Предварительно приготовленная карета Нарышкина, общего приятеля из Понятовским, стремительно рванула с места и унесла гремучей мостовой к помещению графа.

Следующей ночью опять тайное путешествие покоем, вкрадчивая такая мимо молчаливых прислужников, которые отворачивались и предпочитали не видеть, потому что беды еще не оберешься, и опять карета гремит уснувшими полупустыми улицами.

В конце концов, влюбленные перестали играть в кошки-мышки, Понятовский открыто уже встречался с Екатериной, впоследствии просто оставался ночевать в ее спальне в ораниембаумском дворце.

Но однажды утром, как только он вышел из опочивальни, дорогу ему преградили гвардейцы.

– Вы арестованы, – без предисловий и объяснений сообщили офицеры и потянули любовника в буцегарню.

Чудом удалось уладить скандал, Екатерина родила от Понятовского дочку Анну, как две капли похожую на отца. Дитя оказалось болезненным, еле два годка протянуло и однажды ночью, тихо всхлипнув, отошло в лучший мир.

Мать долго не горевала: новая страсть захватила ее сердце.

...Императрицу не слишком оскорбили на суде слова Арсения Мациевича о любовниках – что со старика возьмешь и что он вообще может знать о страсти любви. Другая обида ужалила ее, будто уголёк кто бросил за воротник, обида жгучая и непростительная.

6

Арсений попробовал было в перерыве упрекнуть себя, что не поберегся, но почему-то не смог. Не со злобы, не из мести, не из мелкого желания кого-то запугать говорил он горькие слова высоким душпастырям, ему так хотелось уберечь их от беды, предостеречь и предупредить. Потому что он действительно видел, словно наяву, как несли Гедена в Псков прыткие весьма кони, так что даже гривы развевались на ветру; вдруг, что есть силы, извозчик останавливает их, и те кони чуть ли не дыбом становятся, а обмякший мгновенно Геден хватается за сердце. И видел Арсений, как в многолюдье каком-то Амвросия окружили разъяренные мужчины и женщины, в злобе шарпают обессиленного Амвросия, и нож хищно блеснул над ним... Как будто сквозь оконное стекло виделся Арсению огонь, языки пламени лижут камни, и лицо, так похожее на Мисаила, в том огне.

Нет, он ничего не выдумал, он сказал лишь, что виделось, и от себя ни капли здесь не прибавил.

Он просто хотел заступить собой дорогу, как заступают, раскинув руки, беспечному ребенку, который бежит и не видит бездну впереди себя, он умолял и просил – но напрасно все.

А у Арсения не было чем заслонить их, кроме слова.

Митрополит понимал, что будут значить для него сказанные им горькие слова на суде. И все же он не жалел и не упрекал себя, потому что неискренность и лукавство (отмалчивание тоже очень часто является лишь слабенькой одеждой этого) истинно рождены от лукавого. И эту слабенькую одежду Арсений не способен был примерять на себя, даже когда нависала над ним грозовой, синевато-налитой тучей смертельная опасность.

Присягая в 1740 году малолетнему императору Ивану Антоновичу, он наотрез отказался присягать его матери-регентше. На грозные требования объяснить причину лишь ответил откровенно словами молитвы:

– Признаю одно крещение на отпущение грехов...

Мать-регентша была протестанткой.

Плаха ожидала бы его тогда, если бы не случился переворот.

Случилось Арсению, участнику второй Камчатской экспедиции Беринга, иметь дело со своим капитаном, упорным и упрямым, не признававшим наименьшего непослушания. В тот день они должны были выйти в плавание еще на рассвете, безоблачное небо благоволило, но какая-то неясная тревога охватила Арсения, что-то невидимое сдерживало его.

– Не следует сейчас идти на воду, – сказал он капитану.

Коренастый капитан взглянул на священника так, как на мелкую букашку, что неизвестно откуда взялась и только раздражает.

– Кто здесь капитан? – переспросил тоном, после которого в экспедиции привычно ожидали взрыва безудержного гнева.

– Вы не выйдете в плавание, по крайней мере, до полудня, – стал поперек трапа отец Арсений.

В тишине, зловещей и затянутой, лишь слышалось легкое плескание волны о прибрежные камни.

– Будешь мешать после полудня – застрелю, – побагровело и без того загоревшее капитанское лицо.

Между тем через час на совершенно безоблачном небе, откуда ни возьмись, небольшая туча, на глазах она увеличивалась, надувалась, суровела, вот уже и полнеба затянулось, уже и неба не видно, порывистый ветер перерождался в бурю, которая со свистом и болезненным стоном становилась владычицей всеобъемлющей; взбудораженное и озлобленное небо будто бы упало на землю и ревело диковинным, неслыханным до сих пор зверем, а прибрежные камни грохотали как преджатвенный гром – казалось, в этом ужасном водовороте разве что самая маленькая травинка могла надеяться на спасение.

В полдень буря, которая зародилась так внезапно, так же внезапно сначала присмирела, приутихла и совсем, наконец, умерла.

Корабль действительно двинулся после полудня, и больше у священника экспедиции не случилось столкновений с капитаном.

Уже будучи митрополитом Тобольским, столкнулся Арсений с теми, кто из властных верхушек горделиво смотрел на душпастырское дело и со всех сил старался, чтобы духовные лица угодливо кивали на каждое движение мизинца чиновников. В последний день февраля 1742 года, когда прочитали указ нового митрополита, у представителей власти сибирской глаза стали круглы, словно блюдца. Такого еще не было, как распорядился Арсений: "чтобы священно-, церковнослужители отнюдь не смели обращаться в светские суды помимо своего епископа, под опасением низвержения по 11 правилу Антиохийского собора".

Выстояло христианство, думалось митрополиту, когда апостолов истязали, распинали, когда мучеников веры бросали в клетку со львами, которые ревели от голода и жадно облизывались, ожидая жертву, вот и сейчас должно выстоять и сохранить неподчинение земной грешной власти. В ответ на жалобы сановников в июне того же года свои слова митрополит подтверждает новым циркуляром, чтобы уберечь душпастырей: митрополит "повелел, чтобы никто из духовных лиц без позволения своей духовной команды никаких от светской команды присылаемых указов не слушали, и ежели кто от светских командиров без сношения с духовной командой дерзнет кого из духовных лиц насильственно к суду своему привлекать, или в свидетельстве каком спрашивать, и указы какие без сношения с духовной командой духовным лицам от себя посылать, то таковым присылать обстоятельные письменные протесты вскорости...".

Менялись иерархи на тобольской кафедре, еще весен с двадцать приходили на промерзлую сибирскую землю, а указ митрополита Арсения был невидимой обороной здешнего духовенства.

...Гремели оркестры, взблескивало солнце на трубах музыкантов, на орденах и украшениях придворной свиты, которая собралась со всей империи, падали цветы под ноги императрицы – праздновали коронацию новой владычицы Елизаветы.

Новая императрица уже подписала указ о назначении Арсения Мациевича Ростовским митрополитом, наступила его очередь принимать присягу сегодняшней хозяйке трона.

– Я не могу, Ваше императорское величество, – наклонил голову митрополит.

– Я подписала указ, а вы не хотите мне присягать? – морщины на челе императрицы, которые появились мгновенно, испортили все хлопоты целого вывода парикмахеров.

– Я не могу по этому тексту давать присягу, – тихо, но твердо ответил митрополит. – Не должно быть императорское величество, как сказано там, "крайний судия", потому что это принадлежит только Господу нашему Иисусу Христу.

Императрицы так не хотелось, чтобы даже облачко какое затмило такой многолюдный праздник, торжество всей ее жизни, поэтому усилием воли разогнала набежавшие морщины.

– Быть по-вашему, – даже улыбнуться смогла. – Езжайте в свою епархию, только проект присяги сами подготовьте на будущее.

А вскоре на стол ей положили подготовленный Мациевичем документ: "Исповедаю же с клятвой Крайнего Судию и законоположителя духовного сего церковного правительства быти – самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномощного Главу Церкви и Большого Архиерея и Царя, надо всеми владычествующего и всем имущего посудити – живым и мертвым"...

Пройдет много времени и Ростовскому митрополиту опять придется протестовать, в этот раз против ограбления церквей и монастырей, потому что уже и указ императрице Елизавете о секуляризации церковных земель на подпись положили.

"Ханы татарские даже на это не решались", – будет предостерегать владыка Арсений.

– Нет, – скажет императрица, откладывая перо. – Я не подпишу, а после меня – как хотите.

... В коротком перерыве суда, в размышлениях непростых митрополит Арсений так и не смог упрекнуть себя, что не остерегся. Он просто христианин, и если не будет защищать неподчинение Церкви светским чиновникам и государству, то напрасна вера его. Церковь – Христова, а не этого случайного люда, который учтиво именует себя сенаторами, тайными советниками или императрицами. Так его учил отец Иван Мациевич, который честно служил Богу и людям на такой неблизкой отсюда Волыни, неблизкой Украине, так его учили в Львовской духовной академии, в незабываемой Киево-Могилянке, так он сам как проповедник говорил в Новгород-Сиверске, в Спасском монастыре на Черниговщине, в других городах и селах, куда судьба до сих пор забрасывала. Потому что если Церковь попадет под палу какому-нибудь чиновнику, какому-то государству, то зло большое над миром поднимется: государства, тем более Россия, воюют и заставят зависимых душпаستырей благословлять убийство, а это же измена Христа, государство всегда совершает какие-то безобразия (изредка кается задним числом, но только всегда поздно) и делает душпастыря соучастником всех злодеяний и гнусностей. А когда на троне такая особа, которая убила собственного мужа, прибуде неизвестно из каких стран, не имеющая на трон тот и капли права – она проиграет в карты церковные поместья, что жертвенно собирали наши отцы, она же просто раздаст любовникам, нет числа которым...

Нет, думал митрополит, он до последнего должен стоять.

7

Императрица Екатерина невзлюбила Арсения Мациевича еще задолго до встречи с ним – сколько волка не корми, а он всё равно в известную сторону будет смотреть, – жаловалась она перед судом Орлову. – Малоросса сколько не корми, а он в свою степь посматривает. Один Калнишевский чего стоит...

После ее коронации, после торжественного богослужения, когда хоры церковные возносили ее имя, казалось, до погожих сентябрьских небес, императрица давала аудиенцию самым сановитым персонам империи.

Те персоны, удостоенные такой чести, должны были почувствовать все величие события, истинное величие новой императрицы, ее стремлений и замыслов. На такое наводила даже невиданная до сих пор пышность торжеств – для въезда императрицы выстроили быстренько несколько триумфальных ворот. Даже ночью, при кострах, тюкали топорами строители на Тверской, в Земляном городе, в Белом, в Китай-городе, разукрашивали дома веточками ели и коврами, колокольня Ивана Великого сияла иллюминациями, а на Красной площади выставили столы с питьем и яствами. На триумфальных арках красовалось: "Закон руководит, меч защищает".

Императрица милостиво удостоивала аудиенции сановников. С кошевым атаманом Петром Калнишевским, который прибыл от Украины, она перебросилась лишь несколькими словами, зато раздольная беседа кошевого состоялась у наследника престола сына Павла.

– Челом бью на защиту земли своей, – говорил почтительно семидесятилетний атаман, седой весь, но летам неподвластный, какая-то особенная мощь чувствовалась в нем, обветренному всеми степными ветрами, тугому и упругому, словно не было за спиной стольких походов и пережитого. – Землю нашу отбирают сербы, волохи, греки, и другой неизвестно откуда пришедший люд. На Прогное помещики ваши захватили соляные озера...

Императрица не забыла расспросить сына о том разговоре.

– Опять кошей, как его предшественники, просил жалования, пороку и еще чем-то надоедал? – в голубоватых глазах императрицы блеснула лукавой искоркой улыбка – она еще долго ходила после коронации, словно земля под ней была такой упругой, что прогибалась.

– Нет, – крутнул головой сын. – Говорил, что новыми набегами грозит крымский хан, что русские помещики отбирают силой промыслы соляные, земель немало в ширину и вдоль, с лесами и рыбными ловлями занимают. А еще беспокоился, чтобы пошлина несправедливая снята была на вывоз скота, зверя и меха, и ввоза товара... О мартовских статьях Хмельницкого напомнил...

– Не быть ему кошей, – желтыми огоньками вспыхнули глаза императрицы, и земля под ногами отвердела. – Мы сами скажем ему, когда он будет нужен нам, и так же, когда отпадет надобность.

В уме она уже прикидывала, кому должны принадлежать эти благодатные земли, кого помнить должна за дорожку к трону; не Калнишевскому мозговать за нее, кем заселять тамошние края. И так же неслучайно связала в мыслях Арсения Мациевича с кошей. Года три перед смертью Елизаветы они встретились случайно, когда Калнишевский, военный писарь Артем Кумпан и прежний атаман Павел Кириллович приехали в очередной раз с депутацией хлопотать. Крепкие стены Петропавловской крепости, надежно берегут они в Тайной Канцелярии каждое, хотя бы пустяковое донесение, в том числе разговор Мациевича из Калнишевским.

– Хоть у вас, Петр, и чуб побелел, но исправный еще запорожец, – с улыбкой осматривал Калнишевского Арсений, – и одежда вам эта к лицу, видно сразу, что из края казацкого.

– Был край казацкий, а теперь неизвестно чей, – помрачнел Калнишевский. – Наплывает отовсюду на земли наши люд чужой, сербы, болгары, валахи, армяне, греки, россияне-старообрядцы, что в Речи Польской служили. Охажками их поселения возникают, говорят при дворе, что границу они с юга будут стеречь – только сторож из этого пришлого люда, как из ключьев кнут... Может, хоть вам, владыка, на душе спокойнее, потому что душпастырь живет по Божьему закону.

– Если бы так, – не смог скрыть в голосе горечь Арсений. – Кесарю ныне маловато кесаревого... Именной указ императрицы требует, чтобы архиерейские и монастырские поместья управлялись в дальнейшем не монастырскими прислужниками, а отставными офицерами. Шастают они монастырскими подворьями, кони, инструмент и другое добро арестовывают, в казну, мол, только казна их до суда Божьего не будет видеть... Под топор ложатся монастырские леса.

– Отчего же молчите, владыка, почему же другие высокие духовные лица защищаться не хотят?

Калнишевский сказал и осекся, пожалел о вырвавшемся невольно. А он сам разве подал хоть какой-то голос, когда из Петербурга приказали ввести в школах русский язык, и уже вскоре на Левобережье закрылись восемьсот украинских школ? Или когда историю его края из Глухова похищали, все дипломатические и другие государственные документы вывозили в московский архив Главного штаба?

– Петр, не думайте об этом, – крутнул головой Арсений так, словно мысли свои Калнишевский вымолвил вслух. – Написано же: есть время разбрасывать камни, есть время собирать их. А судит Всевышний, значит, соберутся...

Арсений искренне рад был встрече с земляком, в душе как-то потеплело, словно на минуту смог перенестись в родной край. В златоверхий Киев, где альма-матер, академия Петра Могилы, Святая София, в которой витает еще дух Ярослава Мудрого и под звоны соборные преосвященный Варлаам, архиепископ Киевский, в далеком 1723 году рукополагал его в иеромонахи. Не раз приходило в голову вернуться на Украину, и подавал просьбу об этом. Когда в монастырях стало больше солдат, чем монахов, написал гневное письмо. Коллегия Экономии, утверждал митрополит, почему-то хочет превратить в рабу Святую Церковь и ее служителей. Коллегия пожаловалась Сенату, владыку вызывают в Московскую синодальную контору, где ему объявляют выговор.

Возмущенный митрополит, ссылаясь на болезнь, просит освободить его от руководства Ростовской епархией. Отпустите меня, пишет владыка Арсений, в Новгород-Сиверский, в Спасский монастырь на Черниговщине...

На радостях Синод готовит доклад императрице Елизавете и радуется отставкой Арсения. Но напрасно: Елизавета доклад не утвердила.

Встреча из Калнишевским, весточки из родного края тихим теплом грели грудь владыки. Но эта встреча была последней – не суждено больше...

8

А что делать с Арсением Мацевичем ей, императрице? На плаху его или помиловать? Колесовать или, как Елизавета, сжав зубы, отправить назад в свою епархию?

Колесование Екатерина Вторая видела. На казнь преступника везут на специальной колеснице, по двое со свечами в руках стрелков, чем ближе к месту казни, тем

сгущается толпа жадных к зрелищам зевак; и вот уже и высокий помост, на котором позорный столб с цепями, виселица, дыба, плаха, заостренные колья, на которые наткнут отрубленные головы, уже палач достает кнуты, клейма, щипцы для вырывания ноздрей, бряцает клещами и ножами, чтобы отрезать нос, уши и язык; палач делает все это не спеша и с видимым наслаждением, потому что он здесь самый главный и у него впились сотни глаз. А как значилось в указе колесования, то виновника привязывали к кольцам, наотмашь били в суставы – в приговорах всегда указывалось ломать ребра, руки или ноги, и трескали кости, словно сухие ветки, под стон и крики виновных вперемешку с визжаньем восторга и потехи толпы.

Арсений Мациевич, думалось императрице, без сомнения заслуживал казни. С другой стороны, Екатерина Вторая, всегда осмотрительная, остерегалась возможных волнений в народе, побаивалась из этого луна, неучтливое душпастье, создать мученика за веру. Тайная экспедиция напрасно хлеб казенный не ела, императрице успели доложить не только о вербных котиках, которые бросали митрополиту под ноги, когда вели арестанта на суд, распространялись слухи среди люда, что какому-то монаху Феофилактору снился пророческий сон. Вроде бы он обращался с молитвой к святому Димитрию, на что святой ответил:

– Зачем ты ко мне обращаешься, смиренный Феофилакт? Среди вас есть достойник не меньшей святости, это митрополит Ростовский Арсений...

Одну за другой мысли клала императрица на невидимые весы, качались чаши их, и никак не могли остановиться. А права на ошибку у неё в настоящий момент не было.

Ее, немку, человека когда-то иного вероисповедания, у которой не было и капли русской крови, вихри судьбы подняли и долго носили, пока не швырнули просто на императорский трон. У нее будет возможность и время высказать мнение о русском государстве и этом народе, о русской правящей элите, мнение, которое проскользнуло случайно в письме барону Фридриху Гримму: "Половина тех, кто еще в живых, или дураки, или сумасшедшие: попробуйте, когда можете, пожить с такими людьми".

И она, образованная и энергичная, должна вывести этот бестолковый народ к чему-то лучшему, о чем переписывается с Вольтером и Дидро. Преградой на этом пути ничего не должно стать и любое сопротивление должно быть сметено.

Муж, сброшенный император, с которым под венец шла, уже не помеха – ему не встать из-под могильной плиты Александро-Невской лавры. Еще один законный император Иван Антонович за надежными стенами Шлиссельбургской крепости: он годами не будет видеть даже человеческого лица, а когда заходят в камеру, то велено ему прятаться за ширму. А если и попробует даже кто пленника освободить, то надежной страже приказано немедленно его убить.

На пути к величественной своей цели – вывести к добру этих полудурков, полубезумцев, – оставалась последняя лишь преграда: неподчинение Церкви и такие, как Арсений, душпастьи, что разглагольствуют будто она незаконная, не по природе императрица. Но ум ее и это преодолет. Она завоюет для россиян новые жизненные пространства, презренным жидам позволит жить разве что за чертой в пределе оседлости – а за пределом оставить можно только купцов первой гильдии, высокообразованных евреев, прежних рекрутов, зарегистрированных проституток и жидов окрещенных.

Правда, есть еще одна преграда, о которой догадываются единицы во всей империи, – Михаил Ломоносов. Но эту преграду удалось ей предусмотрительно снять еще к собственному вступлению на трон.

...Император Петр Первый умирал тяжело. Он и сам не знал причину своей болезни – то ли простуда так взялась за него, то ли яд какой, или плохо вылеченный паршивым врачом запущенный сифилис – только на грудь положил ему кто-то жерновой камень, и теперь каждое дыхание стоило невероятных усилий. Но когда услышал император, что наступает его смертный час, то открылся Феофану Прокоповичу.

– Есть у меня грех еще один, владыка, – Петр быстрее хрипел, чем говорил, тот хрип вырывался из груди с остановкой, по частям. – Есть у меня сын, о котором никто не знает, Михаилом его зовут, Ломоносовым.

То с хрипом, то шепотом, но поведал так император о давнем том грехе.

Как начались в России гонения на старообрядников, то перебралось немало их кто в Сибирь, кто на север, и взялись, притом весьма успешно, хозяйничать – чего стоят только судоверфи братьев Баженовых. Император же три четверти бюджета тратил на войны, и все чаще поглядывал, прищурив глаз, на те богатства. К Петровой неприятности, еще и сын Алексей весьма противился родительским нововведениям, жена же рожала дочь за дочерью. И когда император в очередной раз наведалься в северные края, старообрядцы задумали хитрую затею. У них не просто в мыслях было помочь Петру с наследником, но и нажать коронованное лицо со своей среды – подсунили ему белокурую красавицу, с лица которой хоть воду пей, Елену. Где-то с неделю забавлялся с нею царь в Усть-Тосно, наслаждался молодой красотой, прогоняя из порога вестников с их государственными хлопотами. Когда же стало известно, что Елена так забеременела, старообрядцы спешно выдали ее замуж за племянника доверенного Петру Двинского земского старосты Луки Ломоносова – Василия Дорофеева. Следующий императорский указ не замешкался. "Сыну моему, – велено было передать на словах, – и нареченному отцу Василию носить фамилию Ломоносов, и жить в этой семье под надзором Луки Ломоносова, помнить о сохранении тайны. Возблагодарить я не забуду".

...Императору Петру становилось всё хуже, он то с хрипом силился выдать из себя слово, то впадал в бред, и тогда простирались перед ним снежные ослепительные пространства Холмогории, он опять, как полтора десятка лет назад, мчит стремительными санями, так что даже метель ветер поднимает за ними, и взблескивает в косых лучах солнца эта мельчайшая снежная пыль. А когда опять пришел в себя, то приказал Прокоповичу:

– Обучи, владыка, его в московских школах и приобщи к сану священническому или к государственной службе, к чему будет способен.

Феофан Прокопович присматривал за Михаилом, а когда сам почувствовал дыхание холодный кончины, не захотел нести тайну в могилу и поведал все дочери Петра Елизавете.

– Он не помеха на дороге к трону, – взвешенно говорил Прокопович. – Он незаконнорожденный и не посягнет на трон, но он брат кровный, и о нем заботиться надлежит.

Пять зим еще минуло, пока от этого разговора Елизавета взошла на престол. Но уже в первые месяцы царствования возвела она сводного брата в адъюнкты Академии наук, вскоре в профессора, а за оду даровала немислимую сумму в две тысячи рублей – денег не доставало в казне, поэтому мелкой монетой привезли тот подарок, доставили конной подводой.

Как знать, знал ли Михаил тайну своего рождения, только не надеялся он ни на кого – пешком в Москву, тогда Петербургская академия, Киево-Могилянская академия, дальше Марбург, Фрейберг... Взлёт высок человека, который с малых лет труд уважал.

А как представилась Елизавета, замерцало вдруг марево – нет, не трона, ей, Екатерине, традицией и законом это никак не принадлежало, марево лишь имени государыни, жены возможного императора Петра III, и слепой случай открыл ей тайну Ломоносова. Вот поэтому на поминальном обеде по императрице Елизавете, куда с женой был приглашен Михаил, доверенная рука втихомолку сыпнула обоим медленно действующий яд.

Супруги заболели почти в один день – Михаилу отняло ноги, а жена еле ходила по комнате, хватаясь за спинки кресел. Императрица Екатерина Вторая хотела еще сама посетить Ломоносовых, собственными глазами увидеть безостановочное действие яда и утешить от имени трона супругов, которые испытали такую беду.

С Ломоносовым – это уже пройдено, остался лишь Мациевич.

Что? Плаха, рваные ноздри, жаровня, и выбитое назойливым Шешковским и его приспешниками раскаяние? А если не покается? А если своими руками создаст она мученика и святого, народный бунт? Далековато уже от того милого Штеттина, с его уютными немецкими улочками... А может, наоборот, высокое императорское прощение, христианское милосердие?

Одно очевидное: если сейчас потеряет она момент, то уже никогда не станет Церковь опорой трону. А еще же она могла бы монастырские земли даровать тем, кто истинно помогал ей взойти на трон, и тогда еще охотнее трон тот обеими руками будут удерживать...

Что? Мысль бежала за мыслью, как водяной поток на речную мельницу, это мельничное колесо крутилось, вертелось, и нет ему удержу...

9

...Суд, наконец, подошел к концу и среди настороженной тишины прозвучали слова приговора.

"Бывший митр. Ростовский Арсений, превратно поняв и толкуя вознамеренное ныне полезнейшее распределение церковного имения, безрассудную дерзость имел учинить, о том Св. Пр. Синоду некоторые письменные в крайне укорительных и злословных выражениях представления, пренебрегши то, чем он долженствовал сему высокому Духовному Собранию, в котором Ее Император. Величество президентом быть изволит.

Св. Прав. Синод признал его за такое верховной власти и указам противящееся, да и самое Величество оскорбляющее, преступление не токмо ареста, но и суда достойным. Тем паче, что он еще при том в подкрепление упомянутых своих злостью и ядом оскорбления Величества (не токмо всевысочайшей Ее Величества особы, как президента Синода, но и как своей самодержавной Государыни) наполненных представлений, Св. Писание и Предание св. отец превратно же и ухищренно толковать отважился".

Слова приговора уже не поднимались в высь, они шелестели выцветшими прошлогодними листьями, которые перезимовали под снегами до весенней поры, но за тем шелестом Арсению четко слышался истинный, безжалостный и грозный смысл: суд духовный отдает его суду светскому, криминальному. А тот уже сам определяет виновность и наказание преступнику...

Императрица Екатерина взвешивала на своих мнимых весах мысль каждого из влиятельных придворных, крутила и переворачивала ту мысль, словно горячую картофелину в горстях, она просто не имела права на ошибку, на поражение. Она имела право лишь на победу.

А между тем среди люда московского ширился тревожный гул: где настороженно, а где и не очень, толковали, что жадные на церковное добро придворные подбивают императрицу на греховные дела. Спешно в "Московских ведомостях" было объявлено, что "протесты Ростовского архиеерея, от начала до конца исполнены ядом оскорбления Величества", но писаному этому людность не верила до конца.

Нет, она победит, но в глазах той смуты человеческой должна остаться милосердной христианкой, доброй и сердечной, милостиво смягчающей синодский синодальный приговор.

"По сентенции сей сан митрополита и священника снять, а если правила святы и другие церковные узаконения дозволяют, то для удобнейшего покаяния преступнику, по старости его лет, монашества только чин оставить, от гражданского же суда и истязания мы, по человеколюбию, его освобождаем, повелевая нашему синоду послать его в отдаленный монастырь под смотрение разумного начальника с таким определением, чтобы там невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей".

Таким было окончательное слово императрицы – Бог свидетель, она против "гражданского суда и истязаний".

А между тем в монастырской келье митрополита в Ростове уже шел обыск и описание имущества.

– Одна мантия, три рясы, – скрипел пером подьячий, повторяя вслух писанное. – Одна скуфья, шапка келейная старая, трое очков, железная пряжка, чайник фарфоровый, три пары чашек и сахар...

К всеобщему удивлению, у митрополита самой богатой епархии денег не было, а сахар не успел раздать до ареста нищим – сундук да еще тюк с одеждой, вот и все пожитки.

Просто из Крестовой палаты повезли Арсения в Ферапонтов монастырь, и уже вдогонку приказали везти еще севернее, в Карельский Никольский монастырь под Архангельском. Охранять приказано прапорщику и конвоем из четырех солдат.

Конвою хлопот со смиренным старцем никаких, хотя как-то ночью всё-таки до полусмерти солдаты испугались. Ехали как раз мимо храма, как вдруг на колокольне зазвучал среди молчаливой темени звон, угрюмо так и уныло. Старший конвоя бросился было выяснять, не узнал ли злоумышленник какой о проезде митрополита, но колокольня оказалась запертой. А когда уже отъезжали оттуда, то напуганные его сторожа крестились, потому что в храме сами собой загорались свечи и мерцающий свет мигал в окнах.

10

И опять у императрицы земля под ногами была упругой, даже прогибалась, легко ходила она, словно сила какая поднимала ее – суд над Мациевичем стал настоящей викторией. Сопротивление мятежного духовенства удалось задушить руками самого духовенства, не подняв при этом волнений или беспорядков настороженного люда.

Это томное ощущение виктории звучало в голосе императрицы Екатерины, когда она выступала на очередном заседании Синода. Блеск увлажненных глаз,

уверенная и гордая осанка, – у императрицы было достаточно оснований говорить сегодня как триумфатор, как полная хозяйка ситуации.

"Но каким образом может происходить то, что вы не поражены огромностью тех богатств, которыми вы владеете и которые делают вас настолько могущественными, что вы должны были почувствовать, что ваше такое положение совершенно противно духу вашего призвания. Разве вы не наследники апостолов, которым Бог заповедовал проповедовать презрение к богатствам и которые могли бы быть только бедняками; царство их было не от мира сего; вы соглашаетесь со мной? Разве не правда то, что я решилась возвестить вам?"

Легкий упрёк в голосе императрица может позволить себе лишь в начале. Пусть хоть один из этих душпастырей, привычных к высокому почитанию, пусть хоть один попробует поднять голос – у нее будет, чем на место поставить. В келье Арсения Мациевича найдены во время обыска письма многих здесь присутствующих, сияющих раззолоченным облачением; эти арестованные письма до поры до времени пусть полежат, но их она может вынуть когда-либо в случае надобности. Императрица может и должна сейчас разговаривать с ними иным тоном, где уместен металл, а не женские упрёки.

"Как же можете вы пользоваться богатствами, не противореча своему положению, которое должно быть неразлучно с христианской бедностью? Как смее вы без угрызания совести пользоваться таким имуществом и поместьями, которые дают вам могущество, как царям? Ах! Разве вы не имеете под своею властью рабов больше, чем некоторые европейские государи имеют подданных? Вы слишком просвещенны, чтобы не понимать, что все это состояние производит так много злоупотреблений во владениях государства, что вы не можете его сохранить за собой, не будучи несправедливыми по отношению к самому государству; а вы должны сознавать, что вам менее, чем кому-либо другому, позволено быть несправедливыми и если вы несправедливы, то вы тем более виновны в этом, что лучше других знаете свои обязанности".

Румянец, пятнистый и злой, выступил на лице императрицы. Как еще им объяснить: отныне вы не служители алтаря, не духовные сановники, а является государственными лицами и власть монарха для вас более всего.

"И если я должна рассчитывать на вашу верность, преданность, то я должна также льстить себя надеждой, что найду в вас особенно преданных моей короне верных подданных. Если это так, то не умедлите же возвратить моей короне то, что вы похитили у нее незаметно – постепенно".

Неподвижными, высеченными из камня сидели члены Синода, боясь даже переглянуться, даже пошевелиться. Они отныне – воры? Они, берегшие и стремившиеся преумножить веками подаренное монастырям и церквям? Те, которые школы открывали, типографии или госпитали для нищего люда? Значит, именно они обворовали эту разгоряченную и разгневанную приبلуду, которая невеста откуда прибилась на их седые головы, у которой нет и капли русской крови, но так наивно нагло, словно горстями песка, бросает им между глаз: "Все русское – мое!".

Но кто посмеет выразить такое вслух? Среди арестованных писем Мациевича есть письма Гавриила Санкт-Петербургского и Афанасия Тверского, Амвросия Крутицкого и Тимофея Московского. Достаточно стрясти из тех страниц пыль, а чернила по времени выцвести еще не успели. Кто посмеет, когда еще перед глазами Арсений Мациевич, заболевший простудой в дороге, и цинга после Камчатских экспедиций не захотела оставить его – вылезли волосы, гнойные раны раз за разом

открывались на теле; Мациевич, уважаемый иерарх, ставший расстригой, словно настоящий воришка?

Императрица внимательно вглядывалась в покрытые морщинами лица сановитых душпаستырей перед собой, она, наверное, догадывалась, какие неучтивые мысли роятся в этих вроде бы весьма мудрых головах, но это ее никоим образом не огорчало, быстрее радовало и смешило; что-то подзуживало ответить смешным русским словом – русские присказки старательно и охотно стала зубрить, ответить что-то наподобие "А выкуси!" ей хотелось, но не могла.

Однако сразу после заседания Синода села за письменный стол. Вольтеру надлежало сообщить о своей добросердечности: "Арсений, епископ Ростовский... был сужденным митрополитом Новгородским, и всем Синодом осужден, как фанатик, виновный в замыслах враждебных, как православной вере, так и верховной власти, лишенный сана и священничества и переданный в руки светского начальства. Я дала ему прощение и удовлетворилась тем, что перевела его в монашеское звание".

С другим документом уже на ночь погнали гонцы, не жалея коней, как значилось в высочайшем повелении, повезли гонцы еще одно распоряжение. Кудрявые строки на дорогой бумаге гласили: "Ровняя себя в протерпении Златоусту, стараясь возбудить ропот и неудовольствие на правительство, в коварных затеях не разбирая способов, ибо и лжи клеветы и пророчества и молитвы и слова Божии он не усуетился употреблять все... А по сему – под крепкое смотрение, и ни бумаги, ни чернил не давать там".

Гнали кони ложбинами и перелесками, так что даже белая пена из удила летела, спешили гонцы...

11

Прокурор Нарышкин отыскал Арсения Мациевича на монастырском дворе. Митрополит, трудно дыша, рубил дрова – по постановлению суда он несколько раз в неделю должен был мыть полы, рубить дрова, выполнять другую черную работу. Арсений как раз с выдохом загнал топор в толстое полено, однако оно, сучковатое, с первого раза не поддавалось, и тогда Арсений вместе с застрявшим топором поднял его над головой, чтобы во второй раз, уже обухом, ударить по колоде; полено то ли тяжеловатое, то ли сил не хватило, повело его прежде в одну сторону, тогда в другую, он заточился, будто пьяный.

– Имею обязанность провести допрос, – представился Нарышкин.

Арсений молча взялся освобождать топор из нерасколотого полена, пуляя и дергая за топорщице, наконец, ему это удалось и он так же, не обмолвившись словом, пошел за Нарышкиным.

Прокурор, судя по всему, был хорошо осведомлен с монастырской жизнью Мациевича.

"Предыдущие императоры и цари Церковь разным добром награждали. В настоящее время же не только награды нечего ожидать, а еще и грабят. В Ярославле даже утварь церковную уже отобрали", – говорили подобное монахам? – Нарышкин водил глазами по бумаге неотрывно – то ли так внимательно вчитываясь в написанное, или не хотел встретиться взглядом с митрополитом.

– Видит Бог, что это горькая правда.

– "Даже турки свои мечети награждают, а в России Содом и Гоморра". Ваши слова?

– Взойдет ангел с Небес в день последний – и враг Церкви не укроется.

– "Дворянство, – говорили караульному офицеру Алексеевскому, – забыло предков своих, которые поместья монастырям даровали, теперь же добро грабит". Говорили?

– Истину знают святые Небеса.

– "В настоящее время, увидев, что императрица Екатерина не тверда в русском законе и не знает народной жизни, завистливые на церковное имущество царедворцы подсунили несведущей императрице злой указ, и она подписала слепо"... Подтверждаете свои слова? – Нарышкин так и не поднял от бумаги глаза, словно приклеились они там.

– "Кто имеет уши, пусть слышит, что Дух говорит Церквям"...

"Ишь, какой хитрюга, за Откровение Иоанна прячется, – сердитой и раздраженной осой зажужжала мысль Нарышкина. – Не только самого понесло в мятежники, еще и другим неоправданные надежды подает. Архимандрит Антоний, который весьма уверовал в болтовню этого престарелого узника, утешался среди монахов: "Случится изменение на императорском троне, Арсения освободят, и он опять будет архиереем, имущество вернут монастырям, и Арсений заберет с собой меня". А еще архимандрита радовали слухи среди духовенства, что суд Синода проходил с нарушениями исконных правил, потому сан митрополита из владыки Арсения фактически не снят, а все свелось к самому обычному переодеванию – Бог забрал тогда ум у кривосердных судей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.